

самые святые, самые европейские помочи и самая милая опека» (V, 55).

Достоевский саркастически замечает, что европейский «маскарад» русского дворянства XVIII в., его «французские кафтаны, манжеты, парики, шпажонки» — все это «ничему не мешало: Гвоздиловы гвоздили по-прежнему, наших де Роганов наш Потемкин и всякий подобный ему чуть не секли у себя на конюшне, Монбазоны драли с живого и с мертвого, кулаками в манжетах и ногами в шелковых чулках давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагах,

Отважно жертвуя затылком.

Одним словом, вся эта заказная и приказная Европа удивительно как удобно уживалась у нас тогда, начиная с Петербурга — самого фантастического города, с самой фантастической историей из всех городов земного шара» (V, 57).

И, однако, Фонвизин, несмотря на его «французский кафтан», в своих комедиях сумел не только глубоко заглянуть за официальный фасад екатерининской империи, показать зрителю реальное обличье Простаковых и Скотининых, скрытое под покровом всей этой маскарадной фантазмагории. Он — и в этом Достоевский готов видеть одновременно и наиболее глубокий слой фонвизинского реализма, и полусознательное проявление присущего драматургу подлинно национального начала — смог ощутить буднично-каждодневный трагизм существования человека, принадлежащего к почти бессловесному в его время «большинству» русского общества. Более того, в оценке этого «большинства» Фонвизин смог возвыситься над характерными для его времени отвлеченными критериями добра и зла, скроенными по европейской мерке, и показать правдиво те невольные преимущества, которые нередко непосредственный реальный жизненный опыт и здравый смысл давали простому, необразованному человеку большинства даже перед лучшими представителями европеизированного культурного слоя, которые считали себя стоящими на высоте европейской культуры и образования. В доказательство этого тезиса Достоевский ссылается на различный характер переживаний бригадирши и Софьи во время рассказа первой о страданиях зверски избиваемой пьяным мужем капитанши Гвоздиловой (в комедии «Бригадир»). Образованная Софья, выслушав рассказ, ограничивается репликой, выражающей возмущение дикостью крепостнических нравов (так как она подходит к истории капитанши «извне», как чужой человек). Бригадирша же в ходе рассказа испытывает невольное чувство близости собственной своей женской судьбы и судьбы Гвоздиловой, а потому видит в капитанше не чужого человека, а как бы сестру по жизненным испытаниям. Это позволяет бригадирше подойти к Гвоздиловой «изнутри», проникнуться живым участием к ней: «...почему именно не